

ИЗВНЕ

Другой план Путина

СВО как предприятие по изнурению врага

Полагаю, в Европе немало людей задаётся вопросом: почему продвижение армии России по Украине шло и идёт так медленно? Тем более это должно волновать самих россиян. И вопрос не сегодня возник.

Вспоминаю, как осенью 2022 года в Оснабрюке представлял я с партнёром-немцем на переговорах наш магазин русской книги. Другой стороной переговоров был голландец, владелец подписной компании, кое-как продающей в Германии журналы на русском языке наряду с большими количествами англо-, немецко- и прочезычной периодики. Предмет разговора был, как дальше ввозить издания из страны, которую на тот момент в Германии официально называли агрессором.

Почему при разгоревшейся медиарусофобии занимались импортом «путинской пропаганды» немец с голландцем, слова по-русски не знающие, это другая тема. Здесь же рассказ о вопросе, который по завершении деловой части не мог не задать осенью 2022 года голландец русскому.

— Владимир, это кончится до Рождества?

— Нет, конечно.

— Почему? Всё, что Путин занял весной, украинцы взяли обратно, осталось немного.

— А много территории и не нужно, чтобы перерабатывать ресурсы Украины в утиль. Война только начинается, — ответил я на это.

За годы совместных проектов голландец с немцем привыкли мне доверять, но тогда оба посмотрели на меня так, словно я пообещал им завтра восход со стороны Лиссабона. Пришлось пояснить:

— До Киева Путин прошёл без боёв, но и цветами российских солдат не встречали. А скоро стало ясно, что воевать придётся не с одной Украиной. Тогда он перевёл события в другой режим.

— Что ты имеешь в виду? — спросил голландец.

Я постарался объяснить так, как сам понимал происходившее тем летом, как видел это издалека, извне. Сказал, что в большую и неустоявшуюся страну, подобную Украине, можно войти с парой экспедиционных корпусов, можно постоять и осмотреться, но, если страна не потеряла управление, оккупировать её такими силами нельзя. Для этого и десятки корпусов не хватит. Вторжение извне должно было взбурлить внутренние силы народа, вывести на улицы тысячи украинцев, возмущённых противостественной враждой с Россией. Военная операция могла, по начальному плану, привести к смене власти в Киеве, к отмене идеологических основ не-Рос-

Разведгруппа ВС России на Харьковском направлении СВО. Апрель 2022 года

сии, к тотальному обновлению администрации, к переприсяге армии и полиции. Но этого не произошло. И тогда был включён другой план действий. Без которого, напомнил я собеседникам, не обошлась ни одна из войн на территории России. Когда действующими силами становятся расстояния и время.

— Ты видишь план, — сказал в ответ немец, — а я всё лето вижу сплошные поражения Путина. Весь север Украины от русских освобождён.

— Ну, если армия оставляет территории, ничем другим это выглядеть не может, — согласился я. — Но посмотри, что у Путина получилось сейчас.

— Recyclingwerk*, — неожиданно сказал голландец, попав в самую точку.

Да, ко времени нашего разговора я понимал это именно так. Ведь российские войска покинули весь огромный, едва лишь тронутый войной северо-восток Украины. Который может пригодиться в будущем, но сейчас бесполезен. Войска втянулись обратно в русский, восемь лет уже воюющий за свои права Донбасс, как в крепость. Другая часть сосредоточилась в прибрежной полосе,

”
Чем дальше, тем больше вопрос, «зачем России спешить на Украине», обростает и расширяется новыми аргументами, выходящими за пределы действий родственных стран.
“

жизненно важной для защиты Крыма. И теперь на восток, за плотными частями армии РФ, лежал на тысячи километров надёжнейший тыл с лояльным населением, с бесперебойным подвозом всего необходимого для долгого ведения боевых действий.

Поселения же на запад от этой полосы к 2022 году либо отчасти, либо полностью были уничтожены самой Украиной в попытках подавить мятежный регион. Обезлюдевшие руины уже не мешали Российской армии. Оставалось оборудовать надлежащими сооружениями эти пространства полей, лесополос и терриконов, чтобы превратить их в зону утилизации ресурсов врага, который

придёт с запада. Ведь миллионы тонн военных материалов могут круглые сутки перемалываться и сжигаться в этой зоне, покуда противник не измотается и более не сможет подвезти сюда новые вооружения и новых людей. Так я понимал «отступление» лета 2022 года.

— За Украиной тоже глубокий тыл, — возразил тогда немец. — За ней решительно вся Европа. И вся наша экономика, с которой Россия сравниться не сможет.

Голландец же сказал иначе: — За спиной у России Китай, с которым мы тоже не дружим. Экономика Европы никогда не сравнится с ним. Даже если нас аннексирует Америка.

На это немец не возразил.

Впрочем, мне самому тогдашнее представление о происходившем на юго-востоке Украины порой казалось чересчур простым. У самого возникало немало вопросов. Например, чем объяснить крайне медленные продвижения ВС РФ на территории, занятые противником. Даже когда он явно уступает по численности и вооружению. Что, русские контрактники слабее духом и телом, хуже экипированы, чем мобилизованные с улиц украинцы? Или российские командующие робеют перед «командовачами»?

Лишь со временем это стало понятнее. Стоит задать вопрос — а зачем России сейчас спешить? — как частички пазла занимают свои места.

Действительно, зачем отрываться от баз, обеспечивающих ротацию воюющих и лечение раненых, от каналов снабжения боекомплектами, от ремонтных мастерских? Зачем терять на открытой местности свою бронетехнику, если можно жечь дронами и другим оружием вражескую, сидя в защищённых блиндажах? А главное — зачем умножать разрушения, наступая на целые ещё посёлки и города, если украинцы с безумным упорством пытаются отбить уже разрушенные и теряют в своих контрнаступах втрое больше жизней, чем россияне в обороне?

Чем дальше, тем больше вопрос, «зачем России спешить на Украине», обростает и расширяется новыми аргументами, выходящими за пределы действий родственных стран.

Если на крепостной полосе юго-востока идёт планомерное истощение военных возможностей Украинского государства, то вся территория Украины эти три года мало-помалу превращается в гигантское предприятие для изнурения сил и средств целых союзов — Европейского прежде всего, но и НАТО тоже.

Об этом, впрочем, поговорим в другой раз. Сейчас же закончу тем, что не так давно мой немецкий партнёр заявил, что не хочет больше участвовать в нашем многолетнем проекте, другими словами, иметь дело с русскими книгами. Было ли это связано с недавним заявлением канцлера Мерца о том, что Германия находится в состоянии конфликта с Россией, не знаю. Но не удивлюсь, если так. Честно говоря, ждал, что оба заявления прозвучат гораздо раньше.

А что голландец? А он по-прежнему распространяет русские журналы тоже. И прекращать не собирается. Может, потому что голландец он по гражданству, а по рождению — венгр. Гены пальцем не сотрёшь...

Владимир Соколов, собкор «ЛГ» в Германии

* Завод по переработке отходов (нем.).

ОТ АВТОРА

Мне посчастливилось работать в перестроенной «Литературной газете» в годы, когда её тираж взлетел до рекордных 6,5 миллионов экземпляров. Нам, литгазетовцам того времени, казалось, что пишем невероятно смело и небывало художественно, коль скоро за нашими статьями в «ЛГ» выстраиваются очереди у киосков Союзпечати.

Однако вижу, что новое поколение публицистов «Литгазеты» пишет часто умнее, лучше и смелее нас, тогдашних золотых перьев. Вижу и то, что в потоке онлайн-информации каждый бумажный экземпляр, про-

изведённый на борту ковчега «ЛГ», по значению для читателя и для общества в целом может быть ценнее сотни экземпляров, когда-то выплеснутых нами во всепожирающий жар перестройки. Так что ещё вопрос, считать ли рекордом тираж «Литературной газеты» 1989 года, или он по роли своей теперь превзойдён.

Как бы то ни было, постараюсь из Германии приносить родной «Литатурке» не меньше пользы, чем удавалось когда-то из Ташкента и Москвы. Чтобы и далее росли её тираж и значимость.